

Наталья Плеханова

ИЗБРАННАЯ

Наталья Плеханова

ИЗБРАННАЯ

«Автор»

2026

Плеханова Н.

ИЗБРАННАЯ / Н. Плеханова — «Автор», 2026

Наташа — психолог, жена, мать троих детей. Она живёт обычной жизнью, пока однажды утром не обнаруживает в своей ноге серебристый саморез. Рана затягивается сама. А вскоре в её квартире материализуется существо — огромный червь без глаз и рта. Он называет её избранницей и предлагает всё: власть, роскошь, целую галактику. Взамен — её энергию. Её любовь. Её душу. Она отказывается. И отправляется в путешествие по прошлым воплощениям. Бразилия XVI века, темница XVII века, костёр и толпа. Каждый урок — о прощении, вере и гармонии. Каждая встреча — с самой собой. И каждый шаг — к главному: к любви, которую нельзя купить или украсть. Её можно только отдать. Но Арон не отступает. Он ждёт. И он не один. Тьма наступает. И чтобы победить, Наташе придётся вспомнить, кто она есть. И найти золотую середину — между страхом и смелостью, между тьмой и светом.

© Плеханова Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12

Наталья Плеханова

ИЗБРАННАЯ

Глава 1

Глава 1. Предмет из ниоткуда

Я проснулась не от будильника и не от луча солнца, пробившегося сквозь шторы. Меня выдернуло из сна странное, тянущее ощущение в правой икре — будто что-то инородное, холодное и чужеродное поселилось прямо в мышце, пульсируя в такт сердцу.

Не открывая глаз, я пошевелила ногой. Ощущение не исчезло. Напротив, оно стало отчётливее: внутри, глубоко, как будто застрял гвоздь. Или шуруп.

Сердце ёкнуло. Я медленно приподнялась на локтях, откинула одеяло и посмотрела вниз. И замерла.

Из моей икры, аккуратно, под углом, торчал металлический саморез. Серебристый, тонкий, с блестящей шляпкой. Он вошёл наполовину, словно кто-то вкрутил его в мою ногу, пока я спала. Кожа вокруг была чистой — ни крови, ни синяка, ни малейшего следа воспаления.

Паника накрыла меня мгновенно, горячей волной. Я забыла, как дышать.

— Что за... — прошептала я, не узнавая собственный голос.

Кто это сделал? Как? Почему я ничего не почувствовала? Почему нет боли?

Я осторожно коснулась шляпки пальцем. Металл был тёплым, почти горячим, будто его только что достали из кармана. Не раздумывая, я ухватила за него и потянула. Зажмурилась, ожидая резкой боли, скрипнула зубами...

Но боли не было.

Саморез вышел легко, как нож из масла. Я открыла глаза и уставилась на маленькую ранку, которая осталась на его месте. Она была идеально круглой, с ровными краями, но на моих глазах начала затягиваться — края сомкнулись, срослись, и через секунду от отверстия не осталось и следа. Будто ничего и не было.

Я перевела взгляд на саморез в своей ладони. Обычный, строительный. Но теперь, когда он оказался вне моего тела, он стал как-то странно вибрировать — едва уловимо, на грани восприятия.

— Эй! — крикнула я, не сводя глаз с предмета. — Дима! Иди сюда!

Муж появился в дверях спальни через несколько секунд — взъерошенный, сонный.

— Ты чего орёшь? — начал он, но осёкся, увидев выражение моего лица.

— Посмотри, — я протянула ему саморез. — Он был у меня в ноге. В ноге, понимаешь? Я его вытащила. И рана затянулась. Сама.

Дима недоверчиво нахмурился, взял саморез, покрутил в пальцах.

— Ты уверена, что не приснилось? Может, просто лежал на кровати, а ты на него наткнулась?

— Я его из икры вытащила! — почти выкрикнула я. — Вот отсюда! — я ткнула пальцем в то место, где ещё минуту назад было отверстие. — Смотри! Ничего!

Муж наклонился, осмотрел ногу, пощупал. На его лице отразилось сомнение, смешанное с тревогой.

Я снова взяла саморез. Он был как-то неестественно тёплым. На шляпке едва заметно выделялась небольшая выпуклость — будто кнопка. Я, не отдавая отчёта, нажала на неё.

И тогда произошло то, что окончательно выбило почву у меня из-под ног.

Саморез в моей руке задрожал, загудел — и начал раскладываться. Металлические части со щелчками выдвигались, поворачивались, меняли форму. Через мгновение вместо шурупа

я держала небольшой продолговатый предмет, отдалённо напоминающий эргономичный вибромассажёр. Гладкий, с мягкими силиконовыми насадками, он мягко пульсировал, и от него исходило едва заметное тепло.

— Что за чертовщина... — выдохнул Дима.

Я молчала. В висках стучало. Я перевернула предмет и увидела на боку маленькую этикетку, будто заводскую маркировку. Цифры были полустёртыми, но читались.

Дата изготовления: 2055 г.

Срок службы до: 2076 г.

Я перечитала трижды. В голове не укладывалось.

— Сейчас 2026-й, — прошептала я, подняв глаза на мужа. — Это из будущего. Понимаешь? Этой вещи ещё не существует. Её сделают через тридцать лет.

Дима побледнел, но промолчал. Он смотрел на предмет в моих руках, и я заметила, как его дыхание участилось.

Внезапно вибромассажёр в моей ладони начал вибрировать сильнее. Волна лёгкой, приятной пульсации пробежала по руке, отозвалась где-то внизу живота. Я вздрогнула, почувствовав неожиданное, необъяснимое возбуждение — лёгкое, как дуновение, но совершенно неуместное.

— Ты это чувствуешь? — спросила я.

Дима не ответил. Его глаза потемнели. Он медленно шагнул ко мне, не сводя взгляда с предмета, а затем с меня.

— Я не знаю, что происходит, — проговорил он хрипло. — Но я тебя очень хочу. Прямо сейчас.

Я почувствовала, как жар заливает щёки. Тело предательски отзывалось на его слова и на вибрацию в руке. Но рациональная часть сознания вопила: это всё неправильно, это не наше желание, это влияние штуковины из будущего!

В следующий миг массажёр в моих руках снова изменился. С тихим шипением он стал расширяться, раздуваться, превращаясь в надувной матрас серебристого цвета. Он выскользнул из моих пальцев и мягко опустился на пол, слегка покачиваясь.

Дима, не говоря ни слова, схватил меня за руку и потянул к этому матрасу.

— Подожди! — я попыталась высвободиться. — Ты понимаешь, что это безумие?!

Но он будто не слышал. Его лицо выражало лишь одно — неутолимое, животное желание. И тут я увидела Его.

В углу комнаты, возле окна, воздух задрожал. Сначала это было похоже на марево, как над раскалённым асфальтом. А затем из этого марева выдвинулась... голова.

Огромная, блестящая, серая. Голова червя. Нет, не червя — существа, напоминающего червя, но размером с крупного человека. Оно медленно выползло из ниоткуда, и его тело, покрытое слизью, извивалось, заполняя пространство.

Я закричала — беззвучно, потому что голос пропал. Но в следующий миг я почувствовала, как мой разум словно раскрылся, и в него хлынул поток чужих мыслей. Я вдруг ясно осознала: теперь мы втроём связаны — червь, Дима и я. Телепатическая сеть, раскинувшаяся между нами, позволяла слышать мысли друг друга. Я ощущала присутствие сознания Димы рядом, его страх и замешательство, и одновременно чувствовала мощное, чуждое сознание существа.

Существо остановилось. Его «лицо» — если это можно было назвать лицом — повернулось ко мне. И в моей голове возникла мысль, чёткая, как телепатический голос:

«Это сделал я. Предмет — от меня. Я из будущего и с другой планеты. Я — мужская особь. И я пришёл, чтобы завершить начатое».

Я почувствовала, как волна ужаса и... странного, противоестественного возбуждения поднимается откуда-то из глубины. Ноги подкосились.

— Что тебе нужно? — мысленно спросила я, обращаясь не то к существу, не то к самой себе.

И тут же в моей голове, но уже отчётливо, как собственная мысль, прозвучал ответ:

«Ты нужна мне. Я искал спутницу. И выбрал тебя».

Я вздрогнула. Но прежде, чем я успела ответить, в моё сознание ворвалась мысль Димы — отчётливая, наполненная гневом:

— Она никуда не пойдёт! — мысленно выкрикнул он. — Слышишь, тварь? Она моя жена!

Я ощутила, как его мысль прокатилась по телепатической сети и как существо приняло её.

«Твой самец не имеет значения, — прозвучало в ответ. — Он не способен дать тебе то, что могу я. Но я не стану причинять ему вреда. Решение должна принять ты».

— Что тебе нужно? — снова пронеслось в моей голове, но теперь это была общая мысль, повисшая между нами.

«Я искал спутницу. Долго. Тщательно. Среди женщин твоей планеты. Ты подошла идеально. По всем параметрам».

Я почувствовала, как к горлу подкатывает истерический смех. Мысль сама сорвалась с моих губ, но в то же время прозвучала в головах обоих:

— Параметрам?! Каким ещё параметрам? Я обычная женщина! Я не избранная! Я даже не верю в НЛО!

Червь не шелохнулся, но в моей голове пронеслась волна образов. Я увидела, как во сне, десятки, сотни женских силуэтов, мерцающих, словно голограммы. Они проходили через какие-то тесты, сканирования, вспышки света. Я не понимала деталей, но ощутила: он действительно перебирал. Много. Очень много.

«Эксперименты. Я провёл их, пока ты спала. Многие не подошли. Ты совпала на сто процентов. Твоё тело, твоя энергия, твоя реакция. Всё идеально для меня».

— Да что за параметры?! — снова мысленно выкрикнула я, чувствуя, как слёзы подступают к глазам. — Что значит «идеально»? Для чего?!

В ответ — снова поток мыслей, более медленный, будто существо взвешивало каждое слово.

«На моей планете есть всё для жизни. Пища, кров, продолжение рода. Но мы не можем испытывать того, что испытываете вы, люди. Наслаждение. Возбуждение. Оргазм. Для нас это недоступно. Это... роскошь. Дар, которого у нас нет».

Я замерла. Смысл сказанного доходил до меня медленно, как ледяная вода, пропитывающая одежду.

— Ты хочешь... — начала я и осеклась, не в силах произнести это вслух.

«Да. Я хочу чувствовать. Через тебя. Ты — женщина, которая может дать мне это. На моей планете лишь немногие обладают ресурсами и властью, чтобы позволить себе такую связь. Я — один из них. Я могу обеспечить тебя всем. Но мне нужна твоя энергия. Твои ощущения. Ты станешь моей женой».

— Женой?! — я отшатнулась, наткнувшись спиной на край кровати. — Ты в своём уме?! Я человек! Ты червяк! С другой планеты! Из будущего! Какая свадьба, какой брак?!

Дима, до этого молчавший, вдруг шагнул вперёд. Его мысль, полная решимости, пронзила нашу связь:

— Она никуда не пойдёт. Она моя жена. По нашей, человеческой мерке. Так что катись отсюда.

Червь медленно повернул переднюю часть тела в сторону Димы. И в моей голове прозвучало:

«Твой самец не имеет значения. Он не способен дать тебе то, что могу я. Но я не стану причинять ему вреда. Решение должна принять ты».

Я слотнула. Сердце колотилось где-то в горле.

— Решение? Какое ещё решение?

«Ты должна согласиться добровольно. Таков закон перехода. Я не могу забрать тебя силой. Только если ты сама произнесёшь согласие, портал откроется, и ты перейдёшь на мою планету. Я сделаю всё, чтобы ты согласилась».

— Всё? — я горько усмехнулась. — Типа, подарки, цветы, обещания? Или снова воткнёшь в меня шуруп, чтобы я возбудилась и потеряла голову?

Червь качнулся. В его мыслях на мгновение мелькнуло нечто похожее на удивление.

«Предмет был лишь инструментом. Он пробудил твою чувственность. Но ты сама почувствовала влечение. Это не было обманом. Это было... демонстрацией».

Я перевела взгляд на свои руки. Они всё ещё слегка подрагивали от пережитого возбуждения. Внизу живота теплился странный, нежеланный огонёк. И это пугало больше всего.

— Я не согласна, — прошептала я мысленно, но так, чтобы услышали оба. — Я не твоя. И не буду.

Существо не двинулось, но в комнате стало холоднее.

«Ты боишься. Это естественно. Но подумай. На твоей планете ты живёшь обычной жизнью. Работа, быт, рутина. Ты никогда не узнаешь, что значит настоящая власть, настоящая роскошь, настоящие ощущения. Я могу дать тебе всё. И взамен прошу лишь одного: позволить мне чувствовать через тебя. Это не больно. Это будет... прекрасно. Ты станешь моей избранной. Моей королевой».

— Королевой червей? — я нервно рассмеялась, и смех этот эхом отозвался в головах обоих. — Звучит как название дешёвого порно.

Червь, казалось, не понял сарказма.

«У нас нет такого понятия. Но если тебе так удобнее, можешь называть это союзом. Ты будешь единственной. Я буду заботиться о тебе. Твоё тело будет испытывать то, что недоступно ни одной другой женщине твоей планеты».

Дима вдруг схватил меня за руку, сильно, до боли. И одновременно его мысль, яростная и отчаянная, ворвалась в моё сознание:

— Не слушай его. Это всё манипуляция. Он просто хочет выкачать из тебя энергию, как батарейку. Не поддавайся.

Я посмотрела на мужа. Его лицо было бледным, на лбу выступила испарина, но глаза горели решимостью. И впервые за всё это безумие я почувствовала к нему острую, почти животную благодарность.

— Я не согласна, — сказала я громче, теперь уже вслух, но мысль моя одновременно прозвучала для всех. — Убирайся.

Червь не пошевелился. Но в моей голове прозвучало, тихо и почти ласково:

«Я не тороплюсь. У меня есть время. Ты передумаешь».

И в тот же миг гул усилился, воздух заколебался, и огромное тело червя начало медленно отступать назад, в то же марево у окна, из которого появилось. Через несколько секунд оно растворилось, оставив после себя лишь запах озона и лёгкую вибрацию в воздухе.

Телепатическая связь оборвалась так же внезапно, как и возникла. Я снова ощутила одиночество собственных мыслей. Матрас на полу сдвинулся, превращаясь обратно в маленький серебристый саморез, который со звоном упал на паркет.

Мы с Димой остались одни. Я опустилась на пол, потому что ноги больше не держали. Муж опустился рядом, обнял меня за плечи, прижал к себе.

— Это только начало, — прошептал он уже вслух. — Он вернётся.

Я молча кивнула, уткнувшись лицом в его грудь. Саморез лежал на полу, поблёскивая в полумраке. И я могла поклясться, что он снова начал едва заметно вибрировать.

Чувствую, что меня трясёт.

Ну же, Наташа, говорю я сама себе. Ты же психолог. Чёрт возьми, ты же каждый день учишь людей справляться с паникой. «Квадратное дыхание»: вдох на четыре, задержка на четыре, выдох на четыре.

Я села на край кровати, сжав пальцами край матраса, чтобы перестать чувствовать, как дрожат мои ладони. Вдох. Раз, два, три, четыре. Выдох. Раз, два, три, четыре. Муж остался в гостиной, я слышала, как он тяжело дышит, как скрипнул диван под его весом, когда он попытался встать и тут же снова сел.

Алка. Точно. Алка мне поверит. Мы знакомы с первого курса, она знает меня лучше, чем я сама. Если я скажу ей, что у меня в доме материализовалось нечто, она не скажет, что это глюк.

Я встала, чувствуя, как пол под ногами будто плывёт. Телефон остался на кухне — вчера я заряжала его там. Путь из спальни в коридор показался мне бесконечным. Я смотрела под ноги, чтобы случайно не взглянуть в ту сторону гостиной, где это было. Где это есть. Где оно, мать его, сидит сейчас? Или ушло? Или просто ждёт, притаившись в углу?

Кухня встретила меня мертвенным светом холодильника. Телефон лежал на столешнице. Руки так тряслись, что я дважды промахивалась мимо экрана, пытаясь разблокировать его. Пальцы скользили по стеклу, покрытому липкой испариной.

— Давай же, давай, — прошептала я, наконец попадая по кнопке вызова.

В трубке раздались длинные гудки. Я прижала телефон к уху так сильно, что заболело. Смотрела в тёмное окно над раковиной, в котором отражалась я сама: бледная, растрёпанная, с дикими глазами.

— Аллю? — голос Алки был сонным и хриплым. — Наташ? Ты чего в...

— Алка, — перебила я, и голос мой сорвался на какой-то писк. — Алка, ты только послушай, не перебивай. У меня... у нас с Димой... у нас дома кошмар. Я не знаю, что это было. Это не человек. Оно было похоже на огромного червя, понимаешь? Без глаз, без рта, без ничего. Но мы с ним говорили. Мы говорили мыслями, без слов. Оно сказала мне, что я — его избранница. Оно выбрало меня, Алка. Оно смотрело на меня, хотя у него не было глаз, и я чувствовала, как оно проникает в мою голову.

Я замолчала, переводя дыхание. В трубке было тихо. Слишком тихо.

— Алка? — позвала я. — Ты меня слышишь?

В ответ — шорох. Как будто кто-то проводит пальцем по динамику. Или по стене там, у неё дома.

— Алка, пожалуйста, скажи что-нибудь, — мой голос задрожал сильнее. — Скажи, что я не сошла с ума. Скажи, что ты мне веришь.

И тут из динамика раздался звук. Низкий, глухой, вязкий. Этот звук не был похож на человеческую речь. Это было похоже на то, как если бы кто-то пытался говорить, захлёбываясь глиной.

Или на то, как дышало ОНО, лежа там, в углу гостиной, полчаса назад, когда мы с Димой стояли на полу и оно впервые коснулось моего сознания.

Я отшатнулась, ударившись спиной о холодильник. Телефон выпал из рук и с глухим стуком упал на пол, отлетев под стол. С экрана, всё ещё подсвеченного вызовом, не доносилось ни звука. Только чёрная тишина.

— Наташа? — раздался за спиной голос мужа.

Я резко обернулась. Дима стоял в дверном проёме, держась за косяк. Он был бледным, как простыня, и смотрел на меня с таким же ужасом, что и я на него.

— Там... — я показала дрожащей рукой на упавший телефон. — Там Алка... Она... Она не отвечает. Вернее, она отвечает, но это не она.

Дима медленно перевёл взгляд с меня на телефон на полу, и я поняла, что мы думаем об одном и том же. Если оно пришло к нам, если оно выбрало меня, значит, оно могло пойти и к Алке? Или хуже, оно ждало, что я позвоню именно ей. Чтобы доказать мне, что я действительно одна. Что вокруг никого нет.

— Не поднимай его, — хрипло сказал Дима. — Наташа, ради бога, не поднимай.

Я застыла, не в силах оторвать взгляд от темнеющего экрана. Где-то в груди заколотился новый, ещё более липкий страх, перекрывая первый. Что делать? Куда бежать? Кому звонить, если даже подруга на том конце провода — уже не подруга?

Я смотрела на мужа, он смотрел на меня, и в его глазах я прочитала то, что боялась признать себе самой. Нам нужно было уходить.

Да, чёрт возьми, какая избранница? Какая я избранница? Мне тридцать пять лет, у нас трое детей, я живу обычной жизнью, работаю психологом, какая сексуальность, какая, нахрен, сексуальность? Сначала Влад родился — мне было двадцать. Потом Иван. Потом Маша. Пелёнки, распашонки, работа, школа, кружки. Я вообще не понимаю, почему я, и что за чудовище прицепилось именно ко мне. Надо ехать до Алки, а вдруг что-то с ней произошло, вдруг этот червь уже добрался до неё, вдруг ей угрожает опасность.

Я подняла глаза на Диму. Он всё ещё стоял у дверного проёма, бледный, с застывшим лицом, но я видела, как в его груди бьётся паника — часто, рвано, как у загнанного зверя.

— Надо ехать к Алке, — прошептала я. — Вдруг оно добралось до неё.

Дима медленно перевёл взгляд с телефона на меня.

— А если это ловушка? — спросил он. — Если оно хочет, чтобы мы вышли из дома?

Я открыла рот, чтобы ответить, но не успела. Телефон под столом снова засветился. Экран вспыхнул холодным белым светом, и из динамика раздался тот же самый низкий, вязкий звук. Но теперь он стал складываться в слова — медленно, неестественно, как будто кто-то говорил, захлёбываясь глиной.

— Наташа... не уходи...

Голос был Алкин. Но искажённый, растянутый, пропущенный через толщу воды. Или через что-то гораздо более страшное.

Я почувствовала, как ледяная волна поднимается от ступней к затылку. Дима дёрнулся, будто его ударило током, и прижал ладони к ушам.

— Выключи! — выдохнул он. — Не слушай!

Но я не могла пошевелиться. В словах, которые ползли из телефона, было что-то гипнотическое. Они обволакивали, тянули к себе, обещали, что, если я останусь и выслушаю, всё будет хорошо.

— Алка? — прошептала я, ненавидя себя за дрожь в голосе. — Это ты?

В ответ — тишина. Только шорох, как будто кто-то водит пальцем по стене. Или по полу. Или по внутренней стороне моего черепа.

А потом телефон погас. Экран снова стал чёрным, и в кухне воцарилась мёртвая, звенящая тишина.

Мы с Димой переглянулись. На его лбу блестел пот. Он медленно опустил руки от ушей и произнёс одними губами:

— Уходим. Сейчас.

Я кивнула. Ноги были ватными, но я заставила себя сделать шаг. Телефон остался лежать на полу, под столом, и я не стала его поднимать.

Мы двинулись в коридор, не оглядываясь. Гостиная по левую руку казалась чёрной дырой — свет из кухни не проникал туда, будто само пространство искривилось и отказывалось про-

пускать лучи. Я смотрела прямо перед собой, на входную дверь, на её металлический замок, который должен был открыться без всяких усилий.

Но когда Дима потянул ручку, дверь не поддавалась.

Он дёрнул ещё раз, сильнее. Замок щёлкнул, но полотно не сдвинулось ни на миллиметр.

— Что за чёрт? — выдохнул он, вцепившись в ручку обеими руками.

И тут я услышала это снова. Вязкий, утробный звук. Только теперь он шёл не из телефона. Он шёл из-за двери. Из подъезда. Медленно, ритмично, как дыхание огромного существа, притаившегося по ту сторону.

Дима замер, не отпуская ручку. Я видела, как его плечи напряглись, как побелели костяшки пальцев.

— Оно там, — прошептал он. — Ждёт нас.

Я прижалась спиной к стене коридора. Сердце колотилось так, что я слышала его в ушах. Мы оказались в ловушке. С одной стороны — квартира, где оно уже побывало. С другой — дверь, за которой оно ждёт.

— Что будем делать? — спросила я, ненавидя отчаяние в своём голосе.

Дима не ответил. Он медленно отступил от двери, не сводя с неё глаз. Потом вдруг замер, прижал ладонь к виску, будто к голове прикоснулось что-то холодное. Я увидела, как его лицо исказилось — но не от чужой воли, а от отвращения и ужаса.

— Наташа... — произнёс он тихо, и голос его дрожал, но оставался его собственным. — Оно... передало мне мысль. Я почувствовал, как оно вложило её мне в голову. Оно предлагает выбор.

Я похолодела.

— Какой выбор?

Дима закрыл глаза, сглотнул, словно слова причиняли ему боль.

— Оно говорит: или ты идёшь к нему добровольно, или мы все умрём здесь. Вместе с детьми.

Дети. Это слово ударило меня, как пощёчина. Я вспомнила, что они у мамы, в безопасности, но мысль о том, что эта тварь может добраться и до них, разлилась по телу парализующим ужасом.

— Где дети? — прошептала я, хотя знала, что он ответит.

Дима посмотрел на меня, и в его глазах я увидела лишь отчаяние — ни тени той чужеродной пустоты, что была раньше.

— Ты знаешь, где, — сказал он. — Но оно знает тоже.

И в этот момент за дверью раздался низкий, долгий стон — не человеческий, не животный, а какой-то механический, как будто сама реальность трещала по швам.

Я закрыла глаза. Квадратное дыхание. Вдох на четыре. Задержка на четыре. Выдох на четыре. Но вместо счёта в голове билась одна мысль:

Если я не сделаю выбор, оно сделает его за меня. И тогда пострадают все.

Глава 2

Глава 2. Оберег

Мы стояли в коридоре, и я физически ощущала, как вокруг нас сжимается кольцо. За спиной — квартира, из которой мы только что сбежали, но в которой всё ещё витал запах озона и слизи. Впереди — дверь, за которой, как нам казалось, притаилось нечто. Мысль о детях сверлила висок: господи, они у мамы, надеюсь, с ними всё хорошо, я даже не позвонила, не спросила, как они там. Надо позвонить маме. Надо как-то выбираться. Надо доехать до Алки.

— Мне всё равно, Дима, — сказала я, и голос мой прозвучал неожиданно твёрдо. — Даже не отговаривай. Я выхожу.

Он посмотрел на меня так, будто хотел что-то возразить, но вместо этого медленно кивнул. Я видела в его глазах ту же обречённую решимость: пусть будет что будет. Если это животное сожрёт меня — пусть сжирает. Но сидеть в ловушке и ждать, пока оно решит за нас, я больше не могла.

Я резко распахнула входную дверь.

Подъезд встретил нас тишиной. Глухой, ватной, почти осязаемой. Никаких звуков, никакого рычания, никакого вязкого дыхания. Только тусклый свет лампы на площадке и холодный бетонный запах. Где-то высоко, в лестничном пролёте, брезжил слабый серый свет — раннее утро уже начало отвоёвывать у ночи первые метры.

— Девятый этаж, Дим, — прошептала я. — Пошли пешком. Лифтом я не поеду.

Он не спросил почему. Просто кивнул и взял меня за руку. Мы побежали по лестнице, перескакивая через ступеньки, хватаясь за перила. Наши шаги гулко отдавались в пролётах, и этот звук казался единственным живым в мёртвой тишине дома. Я боялась, что в любом пролёте, на любой площадке из темноты вынырнет оно — скользкое, огромное, безглазое. Но лестница была пуста. Только мы, наше дыхание и грохот сердец.

— Ключи от машины взял? — выдохнула я, когда мы вылетели на первый этаж.

— Взял, — так же задыхаясь, ответил Дима, хлопая себя по карману.

Мы выскочили из подъезда. Предраассветный воздух ударил в лицо, прохладный и влажный, пахнувший мокрым асфальтом и первыми лучами солнца, которые ещё не показались из-за горизонта. Небо на востоке уже начало сереть, размывая черноту ночи, но город всё ещё спал, закутанный в сизую дымку. Машина стояла у тротуара, обычная, серебристая, ничем не примечательная, с каплями росы на капоте. Я вырвала ключи у Димы из рук.

— Я за руль.

Он не спорил. Сел рядом, пристегнулся.

Я завела двигатель. Машина мягко заурчала, и на мгновение это вернуло меня в реальность. В ту самую реальность, где мы обычная семейная пара, и сейчас едем к друзьям на ранний завтрак, а не спасаемся от инопланетного червя из будущего.

Но только на мгновение.

— К Алке, — сказала я, вдавливая педаль газа. — А там решим, что дальше.

Машина сорвалась с места. Я неслась по пустым предраассветным улицам с такой скоростью, с какой не ездила никогда в жизни. Светофоры мелькали, как цветные пятна, отражаясь в мокром после ночи асфальте. Дорога вилась, уходила вниз, вверх, поворачивала, но я не сбавляла. Страх гнал меня вперёд, и я не замечала ни спидометра, ни знаков.

— Наташ, — тихо сказал Дима, но я не отреагировала. — Наташа, сбавь.

Я не слышала. В голове билось одно: доехать. Успеть. Понять. Алка должна знать, что делать. Мы живём рядом, минут двадцать езды, ну может, пятнадцать, если лететь, как я.

Перекрёсток вынырнул из полумрака внезапно. Я не видела светофора. Вернее, видела, но он горел красным, а мой мозг отказывался это признавать. Я влетела на пересечение улиц.

И тогда мир взорвался светом и рёвом клаксонов.

Слева летела фура. Или Газель. Я не успела понять, что это за большая машина, потому что она была уже в метре, в полуметре, она заполнила всё лобовое стекло, всю мою жизнь, весь мой ужас. С другой стороны — ещё свет, ещё грохот. Я оказалась в кольце из стали и фар.

И в этот момент я подумала: всё. Это конец. Отсюда живыми не выбраться.

Мысль была спокойной, как у человека, который слишком долго боялся и наконец устал. Лишь бы сразу. Лишь бы не больно. Не лежать потом в переломанном теле, в больнице, с трубками и аппаратами. Пусть будет быстро.

Я закрыла глаза.

И отпустила руль.

Я сдалась.

Но удара не произошло.

Вместо этого я почувствовала, как машина словно ожила подо мной. Руль сам, без моих рук, вывернулся вправо, потом влево, педаль газа на мгновение ушла в пол, и автомобиль, будто направляемый невидимой рукой, проскользнул между несущимися со всех сторон машинами. Фура взвизгнула тормозами и ушла в сторону, кто-то вылетел на обочину, кто-то замер. А я, не открывая глаз, чувствовала, как кто-то управляет вместо меня. Уверенно, мягко, но железно. Будто огромная ладонь легла на мою машину и провела её сквозь гибель.

Через несколько секунд всё стихло. Автомобиль плавно остановился на обочине.

Я слышала, как где-то вдалеке продолжают сигналить. Слышала тяжёлое дыхание Димы. Слышала, как грохочет моё сердце. Но не могла открыть глаза.

И тогда я услышала женский голос.

Он прозвучал не снаружи. И не изнутри. Он был везде — в воздухе, в машине, в моей голове, в самом моём дыхании.

— Расслабься. Я тебя оберегаю. Я тебя спасу.

Голос был тёплым, обволакивающим, но в нём чувствовалась такая сила, что у меня перехватило дыхание. Я вдруг ощутила себя маленькой, беззащитной, как слепой котёнок, которого в последний момент выхватили из-под колёс. Которого не спрашивали, хочет ли он жить. Которому просто подарили ещё один вдох.

Я открыла глаза. Мир поплыл. Передо мной была дорога, пустая, серая, в которой отражались огни фонарей и первые проблески рассвета. Руль был передо мной — но мои руки не касались его. Они лежали на коленях, сжатые в кулаки, пальцы побелели, ногти впились в ладони. Я не держала руль. Я вообще не прикасалась к нему.

— Наташ, — голос Димы прорвался сквозь пелену. — Наташа, всё. Мы остановились. Всё нормально.

Я медленно перевела взгляд на свои руки. Они дрожали, как у человека, которого только что вытащили из ледяной воды. Я попыталась разжать пальцы, но они не слушались.

— Дима, — прошептала я, не узнавая свой голос. — Я не держала руль. Совсем. Я отпустила его. И машина... она ехала сама.

— Я видел, — тихо ответил он. — Руль крутился сам. Как будто кто-то управлял машиной за нас.

Я перевела взгляд на него. Лицо бледное, зрачки расширены, на лбу испарина. Он был напуган не меньше меня. Но в его глазах я прочитала то же, что чувствовала сама: кто-то нас только что спас. Кто-то или что-то.

— Кто это был? — прошептала я. — Кто управлял машиной? Кто всё знает про нас? Почему мне можно расслабиться? И кто меня спасёт? И от кого?

Ответа не было. Только всё тот же тёплый женский голос, уже почти неразличимый, как эхо, повторил где-то в глубине моего сознания:

— Я тебя оберегаю.

И тишина.